

Ночь быстро миновала. Едва забрезжил рассвет, пробуждая мир первыми лучами солнца, Янь Пин уже был на ногах. Позавтракав чашкой оставшейся с вечера рисовой каши, он поднялся на крышу, чтобы начать утреннюю тренировку.

Просторная, свободная от завалов и безлюдная крыша идеально подходила для занятий. Впервые обнаружив её, Янь Пин почувствовал облегчение: его нынешнее положение исключало тренировки на виду у всех.

И дело было не только в дурной славе прежнего владельца тела. Сама физическая подготовка требовала таких колоссальных нагрузок, что подобные занятия неизбежно привлекли бы толпу праздных зевак.

Закончив упражнения, он умылся, немного передохнул, и незаметно подошло время обеда. Перекусив на скорую руку, Янь Пин начал готовиться к уроку с Янь Ли.

Пораньше вернувшись из школы, Янь Ли радостно примчалась домой. Покончив с обедом и наспех вымыв руки, девочка со всех ног бросилась в свой маленький кабинет, где с нетерпением разложила чистые листы, предвкушая начало урока.

Обучение живописи всегда начинается с малого — с умения правильно держать кисть. Подробно объяснив ключевые приёмы, Янь Пин взял кисть из волчьей шерсти и перед камерой показал, как именно нужно её держать.

Малышка Янь Ли была ещё совсем юной. Рисовать она любила и раньше, но в основном делала это на планшете, поэтому сейчас её пальцы никак не хотели слушаться, а движения оставались робкими и неуклюжими.

После долгих и тщетных попыток укротить непослушную кисть девочка не только не освоила хват, но и умудрилась перемазать тушью всё лицо и волосы.

Глядя на это художественное безобразие, Янь Пин тихонько вздохнул:

— Твой брат дома? Позови его, пожалуйста.

— Хорошо! — Янь Ли отложила кисть, спрыгнула со стула и припустила к двери. В кадре промелькнули лишь её забавные хвостики, весело покачивавшиеся в такт шагам.

Янь Цзюнь, сидевший в гостинной, при виде перепачканной тушью сестры лишился дара речи.

— Лили, ты чем там занималась?

Девочка высоко задрала голову и ласково защебетала:

— Учитель показывает мне, как правильно держать кисть из волчьей шерсти!

Янь Цзюнь сразу всё понял. Взяв её за руку, он повёл её обратно, ворча без капли настоящей злости:

— Ну и зачем было сразу за тушь хвататься? Посмотри на себя — живого места нет, вся чумазая!

На личике девочки проступило крайнее смущение:

— Учитель запретил макать кисть в тушь... Я сама, потихоньку.

«Ну конечно... Разве может его любимая сестрёнка быть в чём-то виновата?» — Янь Цзюнь лишь мысленно вздохнул.

Самому Янь Цзюню тоже никогда не приходилось никого учить. Ему казалось, что умение держать кисть даётся человеку с рождения, как способность дышать или пить воду, поэтому его собственные объяснения выходили крайне путанными и неловкими.

Тогда в дело вмешался Янь Пин. По ту сторону экрана он терпеливо руководил движениями молодого человека, подсказывая, как именно нужно направить руку девочки, чтобы придать её пальцам правильное положение.

Вдоволь намучившись, брат и сестра уставились друг на друга. Обе физиономии — и большая, и маленькая — теперь красовались чёрными пятнами туши. Не выдержав, они дружно расхохотались.

Время шло, и совместные усилия наконец принесли плоды: пальцы Янь Ли стали ложиться на бамбуковую рукоять увереннее, и хват её сделался похож на настоящий.

Склонившись над сестрой и бережно придерживая её ладонь, Янь Цзюнь время от времени бросал взгляд на экран. Янь Пин с поразительным терпением раз за разом показывал своими тонкими, изящными пальцами тонкости хвата и мягко демонстрировал, с какой силой нужно нажимать на кончик кисти.

Тёмный ствол кисти из волчьей шерсти выгодно подчёркивал белизну его кожи. Руки наставника казались вырезанными из безупречного белого нефрита — зрелище, от которого трудно было отвести взор.

«Какое расточительство природы — наградить этого подлеца столь царственными руками», — пронеслось в голове Янь Цзюня.

Спустя полчаса Янь Ли, окончательно освоив азы, весело попрощалась с учителем до вечера. Брат увёл её умываться, после чего послушная девочка отправилась в постель на дневной сон.

Янь Пин выключил телефон, прибрал на столе и потянулся к книжной полке. Библиотека прежнего хозяина квартиры поражала своим разнообразием: здесь мирно соседствовали фолианты самых разных направлений. Похоже, тот всерьёз пытался накопить багаж знаний перед путешествиями в иные миры.

Пока Янь Ли оставалась его единственной ученицей. На связь выходили ещё несколько человек, но те пока медлили, взвешивая все за и против.

После полудня Янь Пин, предоставленный самому себе, вновь обернулся чёрным котом и устроился на заборе Начальной школы номер два. Обычно он берёт свой покой и не выносит суеты, но сейчас, слушая звонкий детский смех во время перемены, почему-то совсем не чувствовал раздражения.

— Ли Цинь, ты правда собираешься участвовать в этом глупом конкурсе на звание Самой прекрасной принцессы? — донёсся снизу тонкий девчоночий голосок.

Янь Пин лениво опустил взгляд и заметил у забора двух первоклассниц.

Девочка по имени Ли Цинь горделиво вскинула подбородок, но сделала это так непосредственно, что её хвастовство не вызывало неприязни:

— Конечно! Ты просто не видела, какая у Сяо Мэй шикарная корона! Она так блестит на солнце — просто загляденье! На мне она будет смотреться ещё лучше.

Чтобы доказать свои слова, она смешно зажала ладошками щёки и картинно покружилась на одном месте.

Её подруга, Чжоу Цзяо, озабоченно нахмурилась:

— И всё равно мне это не нравится. Какой-то подозрительный конкурс, взялся ниоткуда. Ещё и требуют, чтобы вы пришли обязательно со своими младшими братьями или сёстрами... Ты маме-то рассказала?

— С ума сошла? Конечно нет! — Ли Цинь испуганно замахала руками. — Мама сразу всё запретит, да ещё и отругает. Устроители ведь сразу предупредили: взрослым ни слова! — Она потянула подругу за рукав, переводя тему: — Ой, да ладно тебе! Вот увидишь, корона достанется мне. Лучше давай угадаем, кто станет Самым отважным рыцарем и Самым прекрасным принцем?

Поколебавшись, Чжоу Цзяо уступила любопытству:

— Думаю, это будут Гу Цзин и Ван Юй.

— Вот и я о том же!

— Ой, смотри! Там котик сидит! — случайно вскинув голову и заметив притаившегося на заборе Янь Пина, радостно воскликнула Чжоу Цзяо.

— И правда! Какой лапочка! — Ли Цинь изо всех сил потянулась на цыпочках.

— Давай после уроков купим ему сосиску? — предложила Чжоу Цзяо.

— Давай!

— Кис-кис, нам пора на урок. Ты только никуда не уходи, жди нас здесь, хорошо?

Попрощавшись, девочки, взявшись за руки, побежали к дверям школы. Кот на заборе сощурил свои изумрудные глаза и едва заметно шевельнул кончиком хвоста. Грациозно спрыгнув на землю, он зашагал прочь.

«Странно всё это... Что-то здесь не так», — подумал он, чувствуя смутную тревогу.

Осенний вечерний ветер ласково шуршал листвой. Чёрный кот неторопливо возвращался домой в лучах заходящего солнца, не обращая внимания на взгляды прохожих. Люди смотрели на него с живым любопытством и теплотой.

Возможно, виной тому был недавний случай, когда отважный кот спас младенца. А может, разнёсшиеся по городу слухи о женщине, которую таинственный чёрный зверь вытащил из беды.

Так или иначе, этой осенью жизнь уличных бродяжек в Ичэне стала заметно сытнее и безопаснее.

Оказалось, что этим крошечным и беззащитным существам нужно совсем немного: капля человеческого сострадания дарила им шанс пережить промозглую осень и выстоять в грядущие зимние холода.

Ведь этот мир принадлежит не только людям. Он — общий дом для всего живого.

Вот только, обделённые разумом и силой, братья наши меньшие не способны постоять за себя. Им остаётся лишь надеяться на милость тех, кто объявил себя хозяевами планеты, и молить, чтобы людское великодушие уберегло их от бессмысленной и жестокой расправы.

О жестоком обращении с домашними животными Янь Пин знал не понаслышке. Обывательские споры в сети на тему «если мы едим свиней и уток, почему нельзя убивать собак и кошек? Давайте тогда все станем вегетарианцами!» всегда казались ему верхом глупости и невежества.

Скот и птицу человек выращивает целенаправленно. С самого рождения их кормят и содержат ради одной цели. Это своего рода негласная сделка: сытая жизнь в обмен на мясо.

Лишая их жизни, хозяин лишь забирает долг. Бытие зверя, дарованное заботой человека, становится первопричиной, а его гибель — закономерным следствием этой связи.

Но бродячие кошки и собаки ничем людям не обязаны. Если ты убиваешь их не ради выживания в голодный год, а просто из прихоти или, что ещё хуже, ради садистского удовольствия, прикрывая свою жестокость красивыми словами о естественном отборе — ты совершаешь подлость. Это не закон природы, это обыкновенное уродство души.

Хищник убивает жертву, повинаясь голоду и инстинкту выживания — таков незыблемый закон мироздания, и никто не вправе судить его за это.

Но бессмысленная жестокость не имеет оправданий. Она порождается лишь внутренней гнилью и злобой.

Впрочем, человеческая природа во все времена оставалась неизменной в своём уродстве и величии. Янь Пин прекрасно это понимал и не собирался тратить время на бессмысленные сетевые баталии.

Добравшись до своей двери в сгущающихся сумерках, кот ловко запрыгнул на стоящую у порога коробку. Пошарив в системном хранилище, он извлёк ключ и, зажав его обеими передними лапами, вставил в замочную скважину. Раздался тихий щелчок — замок поддался.

Он спрыгнул на пол, проскользнул в приоткрытую дверь и ловким движением задней лапы захлопнул её за собой.

Тщательно вытерев подушечки лап о коврик, чёрный зверь запрыгнул на диван. Спустя мгновение его очертания поплыли, и на месте кота возник человек.

Лежащий на диване Янь Пин зажмурился. Тело пронзила привычная мучительная судорога обратной трансформации, холодный пот мгновенно выступил на лбу. Дождавшись, пока дикая боль немного утихнет, он, цепляясь за подлокотник, поднялся и поковылял в ванную.

По-хорошему, зная, какими муками оборачивается каждое превращение, ему следовало бы реже принимать кошачий облик. Однако человеческая природа брала своё. Прожив всю жизнь человеком, Янь Пин всерьёз опасался, что если он надолго застрянет в шкуре зверя, то в один

прекрасный день по привычке пойдёт на задних лапах, забыв о кошачьей грации.

Приведя себя в порядок, Янь Пин решил приготовить ужин. Из двух яиц и оставшегося с обеда риса он сотворил простое, но сытное блюдо — яичный рис. Он читал запоем, глотая книги одну за другой, и ради кулинарного интереса успел изучить немало рецептов и кулинарных видеороликов. В одном из них утверждалось, что идеальный жареный рис получается исключительно из вчерашнего, подсохшего риса. Вчерашнего у него не нашлось, но и обеденный вполне сгодился.

Когда ароматный золотистый рис оказался на тарелке, Янь Пин зачерпнул ложку на пробу. Получилось на удивление недурно!

Мужчина испытал мимолётное удовлетворение. Похоже, в нём дремал недюжинный кулинарный талант.

Справившись с ужином и быстро вымыв посуду, Янь Пин налил себе стакан тёплой воды и скрылся в кабинете.

Шкаф здесь стоял скромный, но наполненный до отказа. Пробежавшись глазами по корешкам, Янь Пин вытащил увесистый том, посвящённый сельскому хозяйству. Книга увлекла его настолько, что он напрочь забыл про воду. стакан так и стоял нетронутым на краю стола, пока сильная жажда не заставила мужчину оторваться от чтения. Сделав пару жадных глотков, он тут же вернулся к страницам.

Постепенно лицо его становилось всё серьёзнее. Он перечитал один абзац несколько раз, словно не веря собственным глазам, а затем торопливо вытащил телефон и принялся искать подтверждение в сети. Но когда экраны поисковиков выдали те же цифры, Янь Пин замер, потрясённый до глубины души.

Урожайность гибридного риса за два сезона составила 1530,76 килограмма с одного му.

Что это значило на деле?

Во времена Великой Юн, на сорок втором году правления императора Сюаня, средняя урожайность риса едва достигала двухсот килограммов с одного му. И только когда Янь Пин сосредоточил в своих руках всю полноту власти в государстве, проведя масштабные реформы ценой нечеловеческих усилий и бессонных ночей, к третьему году эры Ци этот показатель удалось поднять до трёхсот килограммов.

А в этом мире земля рожала больше полутора тонн с той же площади! Полторы тысячи килограммов!

Немыслимо, непостижимо... Кем же был тот великий муж, совершивший этот истинно

священный подвиг ради своего народа?

Будь такой сорт риса в Великой Юн, миллионы людей спаслись бы от голодной смерти. При одном воспоминании о страшных, кровавых цифрах массового голода прошлых лет сердце Янь Пина болезненно сжималось от щемящего бессилия.

— Система, — медленно, взвешивая каждое слово, заговорил Янь Пин. В его голосе сквозила непривычная, свинцовая тяжесть. — Этот рис... можно как-то передать в Великую Юн?

— Можно, — ответила Система.

Но прежде чем Янь Пин успел облегчённо вздохнуть, она добавила:

— Однако эта культура имеет колоссальное значение. Гибридный рис — одно из величайших достижений здешней цивилизации. Согласно закону равновесия, чтобы получить согласие воли этого мира на перенос технологии, вам придётся внести соразмерный, неоценимый вклад в развитие этого общества. Или хотя бы этой страны. С другой стороны, в Системном магазине есть очень похожий сорт риса. Но для его приобретения потребуется просто колоссальное количество очков заслуг.

Тьма за окном окончательно сгустилась, погрузив кабинет в глухое безмолвие. Янь Пин долго сидел неподвижно в полной темноте.

— Не нужно, — наконец вымолвил он. Голос его, хриплый от долгого молчания, прозвучал глухо. — Я добуду местный рис.

В конце концов, именно эта земля открыла ему глаза на подобное чудо. Пусть его труды станут честной платой за бесценный дар.

К тому же... эта страна и вправду успела стать ему симпатична.

В ту ночь Янь Пин так и не сомкнул глаз. Он перерыл весь шкаф, вытаскивая любые книги по земледелию, а параллельно детально изучал ассортимент Системного магазина. Нужно было найти нечто такое, что принесло бы этой стране огромную пользу, но при этом не нарушило бы хрупкий баланс технологий и не выглядело бы слишком вызывающе.

Ночь медленно таяла, уступая место новому рассвету.
